Гость "ВК"

Сегодня гость "Вечернего клуба" — заслуженный деятель искусств России профессор Иван Михайлович Тарханов, потомок великих актеров МХАТа, сам в свое время актер, ныне признанный педагог, заведующий кафедрой сценической речи и пластической культуры в Школе-студии МХАТ, более 45 лет передающий свои знания и опыт ученикам, многие из которых теперь сами знаменитости театра и кино.

Иван ТАРХАНОВ:

«Вообще-то Тархановы — это псевдоним, на самом деле мы — Москвины»

Веч. клуб. - 1995. - 11 мая - с. 7

— Иван Михайлович, объясните, пожалуйста, вашу фразу, вынесенную в заголовок.

— Мой отец Михаил Михайлович — родной брат Ивана Михайловича Москвина, они были внешне очень похожи друг на друга, их часто путали. Псевдоним Тарханов он взял, играя по провинциям, до прихода в Художественный театр. А придумал псевдоним антрепренер труппы, ездивший в Нагорный Карабах и встретивший там 90-летнего удачливого охотника, который носил эту фамилию. Записывая отца как Тарханова, антрепренер сказал: "Фамилия принесет тебе счастье".

— Вам доводилось играть вместе с отцом?

— В фильме "Искусство актера", момент из инсценировки произведения Максима Горького "В людях". Отец в роли Хозяина Семенова, я в роли Самородка. Заболел Сергей Григорьевич Яров, партнер отца по многим концертным номерам, а играть предстояло в Колонном зале. Отец осмотрел меня, будто впервые увидел, и сказал: "Сможешь". Я видел это много раз; немного порепетировали и — вперед. Конечно, я очень волновался. Стою за кулисами, подходит отец: "Ты что делаешь?" Отвечаю: "Собираюсь". Он заявляет: "Собираются на рынок или в баню, а у артиста все должно быть при себе". И тут же дал задание, помогающее сосредоточить внимание: "Последи за мной, после расскажешь, что я новое делаю". То был полезный урок — 1948 года.

— Ваша мама тоже очень известная актриса...

— Елизавета Феофановна Скульская; при том, что дядя — Москвин, получается династия.

— Каков был ваш первый театральный опыт?

— До войны я успел окончить восемь классов. В 1942 году, когда мне было 16 лет, МХАТ находился в эвакуации в Саратове, затем в Свердловске. В театре не хватало рабочих сцены, вот я и стал таковым. Работал по две смены в день. И когда вернулись в Москву, продолжал "выступать" как рабочий сцены, экстерном заканчивая десятилетку. Артистов тоже не хватало, и нас, детей актеров, включили в труппу статистами-шумовиками. Посему мои первые "роли" — "пожар" и выстрелы в "Трех сестрах", "птички" в "Вишневом саде".

— Но настал же час, и вы получили настоящую роль.

— Среди нас, молодняка, была очень популярна роль арапа в "Анне Карениной". Мы мазались темной краской и, отыграв в этом спектакле, переезжали в гриме в филиал, в "Школу злословия". Ухитрялись появляться в 48 представлениях за 24 рабочих дня! Потом наш выпускной спектакль "Мещане" решено было с некоторыми заменами перенести на сцену МХАТа, и тогда мне довелось играть с выдающимися партнерами — Блинниковым, Коломейцевой, Жильцовым, Дмитрием Орловым. Заметьте, я выпускник первого набора Школы-студии МХАТ, поступил в нее в сорок третьем году. Тяжеленько тогда было.

— В каком смысле?

— Во всех смыслах. Недоедали, например. Но театр заботился о нас: мы получали карточки УДП (усиленное диетическое питание), которые между собой называли "Умрешь днем позже". Я учился с Ханаевой, Дружниковым, Владленом Давыдовым, Анатолием Вербицким, Владимиром Трошиным... Всего 28 человек, и каждый мне дорог.

— А с младшими курсами дружили?

— Со многими с детства. Когда я учился на четвертом курсе, Алексей Баталов был на первом, Олег Ефремов и Ирочка Скобцева — на втором. Дружба — это то, чем держался Художественный театр.

— Иван Михайлович, у вас много было событий в жизни. Что вы считаете самым важным и счастливым?

— Не какие-то свои успехи, хотя они были, но самые дорогие подарки, преподнесенные мне судьбой, — 30-летняя дружба с Павлом Владимировичем Массальским, учеба у Виктора Яковлевича Станицына, моего учителя в режиссуре, учеба у Иосифа Моисеевича Раевского, дружба и совместное творчество с Борисом Николаевичем Ливановым. В личном творческом плане доволен я, может быть, одним-двумя спектаклями — не мхатовскими, не телевизионными, а студийными. Творческое удовлетворение — штука сомнительная, я бы даже назвал его моральным саморазрушением, потому что все время сомневаешься, правильно ли то, что делаешь. А все театральные похвалы и осуждения тоже ведь спонтанны, на них не стоит ориентироваться.

— А как вы начали преподавать в Школе-студии?

— Работать туда пригласили, когда мне исполнилось 23 года, и во многом "с подачи" Бориса Ильича Вершилова, который долго ко мне приглядывался. Определили ассистентом к Массальскому, который в 1977 году передал мне руководство курсом.

— Кто ваши ученики?

— Мне невероятно везло: одиннадцать блистательных выпусков, первый из которых — 1952 года. Таня Доронина, Женя Евстигнеев (между прочим, мой ровесник, пришедший в МХАТ уже знаменитостью), Миша Козаков, Сева Абдулов, Авангард Леонтьев, Олег Басилашвили, Виктор Сергачев — мои ученики.

— Среди ваших учеников был и Владимир Высоцкий?

— Он — из 3-го, самого близкого мне по духу выпуска: Высоцкий, Епифанцев, Попов, Ялович, Валя Никулин... Когда они поступали, мне было 30 лет: на четвертом курсе они предложили: "Давайте встретимся вне Школы", я ответил: "Когда диплом получите, встретимся". У Володи сложные взаимоотношения были в семье, и он фактически жил полгода у меня; пел под гитару, но никогда я не видел его пьяным, как некоторые любят описывать. Такого не было при мне. И закончив Школу, он много раз бывал у меня, пока я был холостой.

— А как Высоцкий поступал?

— К сожалению, не помню. Он участвовал в заводской самодеятельности, руководителем у него был Владимир Николаевич Богомолов, который и привел Володю к нам. Высоцкий — существо, сотканное из доброты и готовности к любой работе: шумы за сценой делать — это ведь тоже он, а слух у него был идеальный. Первые слова, сказанные им в студии со сцены: "Пешеходов надо любить". Это я, молодой тогда, смелый, замахнулся на "Золотого теленка", а Володя был "от автора"; 1958 год!

— Вы столько лет участвуете в отборочных турах и приемных экзаменах, что, наверное, сразу видите: вот перед вами Артист...

— Если Женя Урбанский выходит, как не понять, что это Артист? Или Володя Высоцкий? А Вячеслав Невинный, ныне народный артист, как поступал? Пришел с папой, папа — тульский слесарь, а сам Слава худенький: велосипедист! Думал, "с кондачка" проскочит; я его выставил. Приходит другой раз, читает из "Обломова", как Захар слез с печи и посмотрел в щелочку. Я увидел этот глаз, который он "прислонил к замочной скважине" и все засекает, что внутри происходит. Я его сразу на 3-й тур послал.

— И все-таки даже в вашем благополучном деле есть, наверное, свои "подводные камни"?

— Постепенно твое педагогическое умение переходит в свою противоположность; образуются педагогические и жизненные штампы, избежать коих почти невозможно; начинается период застоя. Штампованное отношение к студенту, некое прокрустово ложе, при помощи которого мы принимаем в Школу, — вот опасность!

— Мне сказали, что, кроме кафедры в Студии МХАТ, вы ведет актерский курс в Институте современных искусств, который в будущем году выпустите.

—Там есть группа, и немаленькая, очень одаренных людей. Недавно Евгений Вениаминович Радомысленский с ними ставил замечательную пьесу Торнтона Уалдера "Наш городок", и, представляете, студент 3-го курса завоевал первое место за мужскую роль на конкурсе имени Владимира Высоцкого, где участвовали и профессиональные театральные коллективы. Событие, какого еще не было в истории этого конкурса. Сейчас готовим "На всякого мудреца довольно простоты", "Девушку с большим ртом".

— Вы не раз ставили Чехова, регулярно ездите в Липецк на "Чеховские чтения", там выступаете. Вы "чеховец"?

—Да нет, не могу считать себя специалистом по Чехову, скорее по Горькому: у меня медаль горьковская, а не чеховская. Но много работал и над пьесами Антона Павловича. Дважды ставил "Вишневый сад" и Школе-студии и в театре, был вторым режиссером при Станицыне, когда мы, отрепетировав спектакль дома, возили его выпускать премьерой в Лондон (в 1958 году). Состав был потрясающий: Яншин, Массальский, Тарасова, Сергей Лукьянов (специально приглашенный из Театра имени Вахтангова на роль Лопахина), Губанов, Ленникова, Степанова, Грибов; а я сыграл прохожего. Успех был триумфальный!..

— Какие еще постановки вам особо запомнились?

— Образцово-показательный спектакль со всех точек зрения — методики, исполнения, зрительского успеха — "Плоды просвещения", поставленный Кедровым. На его репетиции вышел смешной случай. Василий Осипович Топорков, правоверный ученик Станиславского, но работавший прежде в провинции и у Корша, репетировал роль профессора Круглосветова. На провинциалов старые мхатовские актеры обычно косились и испытывали их на актерские штампы. Вот Кедров и останавливает Топоркова: "Вася, ты повторяешься, ты это уже делал". Топорков произносит в ответ неожиданное слово: "Умерли". — "Кто умерли?" — "Те, кто замечания мне мог делать". Все отсмеялись, репетиция идет час, другой. Вдруг Кедров в потолок звучно говорит: "Живы" — "Кто?" — "Штампы твои живы!"

— Вы поначалу были вторым режиссером. А какова ваша первая самостоятельная режиссерская работа?

— "Кукольный дом" ("Нора") Ибсена — 1961 года, где играли многие мои сверстники. И, как часто случается в театре, будучи актером, играешь мало, а стал режиссером — вдруг заиграл. По сравнению со своими товарищами играл много в театре и на телевидении.

— Например?

— Главным образом классику. Уйти из МХАТа решил в связи с его разделением, против чего я протестовал. Слишком большая роскошь — иметь вместо одного хорошего два разделенных театра. Я подал заявление об уходе, но три года еще доигрывал свои роли, и отпустили меня исключительно в Школу-студию МХАТ.

— Как вы попали на телевидение?

— Приглашал Богомолов как артиста, я из его передач буквально не вылезал. Затем сам ставил Горького, Писемского, Успенского, Лескова. Но телевидение — лишь эпизод. С радио я связан всю жизнь, чуть ли не с окончания студии. Читал в эфир Астафьева, Солженицына "Как обустроить Россию", главы из "Тихого Дона" и из последнего романа Леонида Леонова. Счастлив, что Леонид Максимович перед самой своей кончиной успел меня услышать по радио. Были и радиопостановки, например, "Гость", который мы делали с Верой Васильевой и светлой памяти другом моим Виталием Дорониным.

— Расскажите, пожалуйста, о своей семье.

— Жена — экономист, старший сын Михаил — депутат Московской городской думы, по образованию биолог. Дочь стала актрисой. Она ученица Владимира Андреева, не пошла в Школу-студию МХАТ, потому что в год ее поступления курс набирал я. Андреев ее взял и, как сказал мне, не по знакомству, а по объективным причинам, что сейчас подтверждается. Самая новая ее работа — единственная женская роль в "Нахлебнике" Тургенева; недавно была премьера. Дочь не воспользовалась псевдонимом моего отца и носит нашу родовую фамилию — Москвина.

— Кроме кафедры и курса в ИСИ, что вас занимает сейчас?

— Много лет надо мной довлеет обязательство. Ученики отца и организаторы "Чеховских чтений" считают, что я должен написать воспоминания. Но писать я не умею! Всю жизнь говорю, читаю. Поэтому, если в какой-то момент немного освобожусь, поставлю перед собой диктофон и начну долгий рассказ. А что из этого получится, и сам не знаю.

Гостя принимала
Марианна ПЕНЬКОВА.